

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.4-7

ЖИЗНЬ МОЯ – ТЕАТР

СТР.20

В УГАРЕ НЭПа

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№30 (163)
ИЮЛЬ 2023

СТР.14-17

ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ МОСКВА!

СТР.8-11

ДАМА ЧЕРВЕЙ, ЕЕ КОРОЛИ И ВАЛЕТ

«Ротонда» - парижское кафе, одно из самых любимых русскими эмигрантами

Геннадий Норд

Среди тех, кто частенько засиживался за бокалом вина на Монпарнасе, была и Лидия Червинская, русская поэтесса, оказавшаяся, как и тысячи наших соотечественников «не в изгнании, но в пленении» за пределами своей любимой Родины.

О детстве Лиды Червинской известно очень немного. Крепкая семья, которую обеспечивал папа Давыд Червинский, оказалась, как и миллионы наших соотечественников, втянута в водоворот революции и Гражданской войны.

В 1920 году Червинским, оказавшимся на Юге России, надо было сделать свой выбор - остаться, чтобы умереть, или уехать, чтобы выжить.

Они выбрали второе, отправившись вместе с войском барона Брангеля в Константинополь. Родители так и остались на том турецком плацдарме с византийскими корнями, а тридцатилетняя на момент переезда Лидочка лишилась пару лет прожила в городе Святой Софии.

Пятнадцатилетняя Лидя Червинская перебирается в город Любви.

- Привет, свободный Париж, французский город с русской душой, наполненный русской литературой и русскими эмигрантами.

В Париже Лидия начинает писать стихи, поначалу даже не задумываясь, что литература может быть и кормилицей, и поилищей.

Встреча с Георгием Адамовичем предопределила судьбу талантливой девушки.

Лидия Червинская

ДАМА ЧЕРВЕЙ, ЕЕ КОРОЛИ И ВАЛЕТ

Париж, Монмартр, Монпарнас...

Сколько же чашек кофе и бокалов вина со слезами наполовину было выпито русскими эмигрантами в уютных парижских кафешках!

Уехать, чтобы выжить. Русский исход 1920 года

Строгий критик и филигранный поэт Адамович становится для Дамы Червей настоящим Джокером - и учителем, оттачивающим ямы с юной поэтессой, и защитником, прикрывающим ее порой от критики мощных Тузов, например от педантинного и свирепого требовательного Владислава Ходасевича.

Адамович явился даже в некотором роде импресарио поэтессы, помогая ей с публикациями, приглашая на свои семинары и заседания «Парижской ноты», где солировали Борис Поплавский, Анатолий Штайгер, и где вскоре сама Лидия Червинская станет удивлять и восхищать друзей своими стихами, наполненными «вдохновенной тоской».

Не правда ли, такие облака
Возможны только на парижском небе...
Такая вдохновенная тоска

При тихой мысли о насыщном хлебе.
Наверное, я не с того начал. Нет, поэтессой Лидия Червинская была отменной, но прежде всего она была красивой молодой женщиной!

Практически, все ее современники, оставившие воспоминания, говорят о Лидочке Червинской, как о высокой, стройной, большегубой красавице, роковой женщине, любящей жизнь во всех ее проявлениях.

Конечно, она хотела любить сама и желаала, чтобы любили ее. Ее роман с Борисом Поплавским разверзся ярким флагом страсти над прозрачным Парижем.

Червинская очень любила это опре-

деление Парижа - «прозрачный город». А прозрачный - это немножко и призрачный, не так ли? И вот уже из призрачного Парижа на призрачный Остров мертвых перевозчик Харон через реку Стикс увозит ее друга-любовника Боречку Поллавского, умершего от передозировки наркотиков.

Шел 1935-й год. И Пик Интимизма в горно-поэтической гряде яркого романа Дамы Червей и Пикового Короля «Парижской ноты» был к этому времени ими уже покорен. Да разве сердце позадует...

Вот пара дневниковых записей Поллавского, датированных весной 1933 года:

«Мы мучительно полно, унизительно сладко танцевали, объяснялись, и сидели в «Космосе» и «Оазисе», не в своем уме идиго фальшивка, я потерялся и проглядел что-то, хотя она, кажется, меня поцеловала, помни какой-то поцелуй легкий и свежий на щеке»

И вот еще:

«Опять Лиза, руки ее и плечи, холодные, широкие и горькие, как полынь-снег».

Понятно, что «снег-полынь» порой позволяла себе и Лидочки. Что ух тут жеманничать. Время было такое - кокайновое, размытое, ассоциативное. Одним словом, эмигрантское время.

Кто-то изумленных людей сказал, что в не-устроенные времена и любовь острее, и страсть горячее. За точность цитаты не ручаюсь, но смысл понятен. По теории компенсации - если людям недостает материальных благ и устроенности быта, то воздается любовными чувствами, порой переходящими в обжигающую страсть.

Лида Червинская любила многих и многими была любима. Здесь и литераторы, и поэты, и меценаты, и писатели, и даже шпионы-разведчики. Не думаю, что это было столь принципиально для Лидии Давыдовны. Просто получалось.

В романтическом чек-листе Дамы Червей отметились и Арнольд Блох, не написавший сам ни единой строчки любителя высокой словесности, а также друг всего русского Монпарнаса, и Марк Леви (он же - Марк Агеев), автор нашумевшего «Романа с кокаином», и литератор-веселый Лазарь Кельберин по прозвищу Лелик, ровесник Лидочки и даже, по совместительству, ее муж с 1930 по 1936 год.

Сама же Лиза Червинская жила любовью и наслаждалась «наколпленной в этой любви добротой». При этом, Лидия радовалась любви, как она сама утверждала:

«Все равно какой, счастливой или несчастной, плотской или платонической, нормальной или извращенной».

Кажется, лучше (если до конца честно говорить) - несчастной, платонической, извращенной. Потому что в протянутой руке, которой не дано прикоснуться - огромная, напряженная сила...»

Каждый из любовников Лиды был личностью незаурядной. Вот трое из них:

КОРОЛЬ ЧЕРВЕЙ - ЛАЗАРЬ КЕЛЬБЕРИН, ОН ЖЕ ЛЕЛИК

Лазаря Кельберина многие знали на довоенном Монпарнасе: казалось, он был везде, на заседаниях, сбирающихся, вечеринках. Он играл на рояле, сочинял стихи, писал статьи и непрерывно говорил, говорил, говорил.

К Кельберину многие относились с симпатией и звали его по-домашнему - Лёлик. Он и правда был симпатичный, дружил с мужчинами и нравился женщинам. Писатель и будущий дантист-мемурист Василий Яновский так «поскрипал» зубами о Лелике:

«Кельберин, мистически настроенный, многократно сочетался законным браком: одной из его ранних жен была Лидия Червинская».

Лёлик считал, что «ранние» и новые его жены должны помогать друг другу выжить, и создавал для них нечто вроде «профсоюза жен». Так, свою «раннюю» жену Лиду Лёлик посыпал провинции Бордо с семьей своей новой жены, тоже красавицы Наталии Оболенской. Оболенскую сменила жена 3, жена 3 - супруга 4...

А Лёлик наслаждался жизнью и играл на рояле.

Стихам большого значения Кельберин

Георгий Адамович

не придавал, в отличие от «ранней» жены Лидии. Та даже посвятила «несвятому Лазарю» свой целый, первый сборник стихов.

Вот одно из стихотворений Червинской, вошедших в «Приближение» - так назывался этот сборник (1934 г.):

Мы возвращаемся в сонную тьму,
Господи, как мы устали...
Жизнь - это тысяча раз - почему?
В детстве, в обиде, в печали.
Ты уезжаешь, мой праздничный друг,
Как же не рушатся стены...
Жизнь это тысячи тихих услуг,
Ради тишины измены.
Над океаном - верниесь, назови -

Музыка тенью лежала...
Жизнь - это тысячи слов о любви,
Тысячи жалоб...

Король Бубен - Марк Леви-Агеев.

В Жалобной Книге Любви Лидии Червинской есть запись с омаром Леви-Агеевым, персонаже тоже чрезвычайно интересном.

Текст «Романа с кокаином» пришел по почте из Стамбула в Париж. Рукопись была подписана «Марк Агеев», но о самом авторе не было известно ровным счетом ничего.

Сама Лидия Червинская много лет

спустя поведала такую захватывающую историю:

В 1935 году она - ей тогда было двадцать восемь лет - получила она от своих друзей по русскому Монпарнасу поручение разыскать автора «Романа с кокаином» в Стамбуле, откуда была присланна рукопись книги.

Лидия каждое лето приезжала в Стамбул к своим родителям, которые, нашли там прибежище после Гражданской войны в России и смогли обосноваться вполне благополучно.

Когда Лидия Червинская отыскала указаный адрес в одном из крытых переулков старой еврейской части города, ее охватил ужас: она стояла перед домом дяди умалишенных.

Марк Леви (Агеев - псевдоним) страдал галлюцинациями, и руки его постоянно дрожали. Лидия вызволила его из этого заведения, и, благодаря влиянию своего отца, устроила в русской книжной лавке.

По ее словам, он был высоким и стройным с каштаново-коричневыми волосами. Лидия он понравился с первого взгляда, и она стала его любовницей.

Леви был русским евреем - и... советским агентом. Хотя любил к месту и не к месту повторять историю, что во время Гражданской войны он застрелил офицера Красной Армии. Такова была легенда, разработанная в ГПУ. Марк сначала был заброшен резидентом в Берлин, потом переехал в Стамбул - все разведки мира стремились там иметь своих людей.

«Роман с кокаином», изданный в середине тридцатых, произвел фурор. Удивительно, что больше Леви ничего не написал, кроме пары рассказов. Видимо, это было временем и желания. Тем более, вскоре спецслужбы Турции учили его в шпионских делах, а власти выслали из Стамбула в СССР.

Марк уехал, Лидия осталась. И продолжала грустить о России. Вот ее стихотворение «Хочется блоковской, щедрой напевности (Тоже рожденной тоской), Да, и любви, и разлуки, и ревности, Слез, от которых покой. Хочется верности, денег, величия, Попросту - жизни самой.

От бесприютности, от безразличия Тянет в чужую Россию - домой...

Лучше? Не знаю. Но будет иначе -

Многим беднее, многим богаче,

И холоднее зимой.

А что же Леви? Он осел в Армении, женился на чудесной армянке, преподавал немецкий в университете, раз в год

Борис Поллавский

Окончание на с. 10

Марк Леви

Окончание. Начало на с.9

выезжал из Еревана в Москву. Зачем? Возможно, для агентского отчета в ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ. Агенты ведь бывшими не бывают.

А, быть может, навещал кого-то из друзей или близких ему людей.

Во всяком случае, до 1973 года, когда Марк Лазаревич покинул этот бренный мир, с Лидией Давыдовной их пути больше не пересекались.

ВАЛЕТ ТРЕФ. КРАПЛЕНЫЙ. КАРЛ РЕХЕЙН

Но шпионская тема в жизни поэтессы была далеко не закрыта. Любовь роковой женщины всегда сопряжена со смертью и испытаниями.

Во время Второй мировой войны Лидия Червинская была участницей французского Сопротивления. Под именем «Катрин» она стала агентом организации «Еврейская армия», которая действо-

вала в Париже и на юге Франции и занималась тайной переправкой евреев в Испанию.

«Катрин» работала в паре с агентом «Шарлем Порлем», они были любовниками. Только вот этот Валет был крапленым, о чем Дама Червей даже не догадывалась.

Да-да Шарль был двойным агентом и работал на гестапо. Настоящее его имя было Карл Рехейн, но влюбленная и наивная Лидочка ничего подозрительного в своем Шарле не замечала, посвящая возлюбленного во все детали деятельности организации.

В итоге в мае-июле 1944 года по народке Рехейна гестаповцы арестовали

Собрание русских писателей-эмигрантов в Париже. Лидия Червинская сидит вторая справа

многих членов «Еврейской армии», среди которых были и русские эмигранты. Кто-то сумел бежать, но большинство было замучено в концлагерях.

В августе 1944 года власти Франции определяют Лидию в тюрьму, где она пробыла больше года. К счастью, в итоге суд ее оправдал, не найдя доказательств, что она знала, кем на самом деле был ее любовник.

Хотя сил и здоровья у любвеобильной Дамы Червей процесс отнял немало.

Свой литературный дар Лидия проявляла не только в поэзии, но и в редакторской работе на радиостанции «Свобода», куда ее в пятидесятых годах устроили друзья-эмигранты.

Накануне своего полувекового юбилея Лидия Давыдовна сделала себе и читателям, конечно, подарок, издав свой третий сборник «Двенадцать месяцев», который станет итоговым в ее поэтической карьере. Название отсылало не к сказке Маршака, а к строфе Осипа Мандельштама:

*Двенадцать месяцев лют от смертном часе...
А жизнь по-новому, как осень, хороша.*

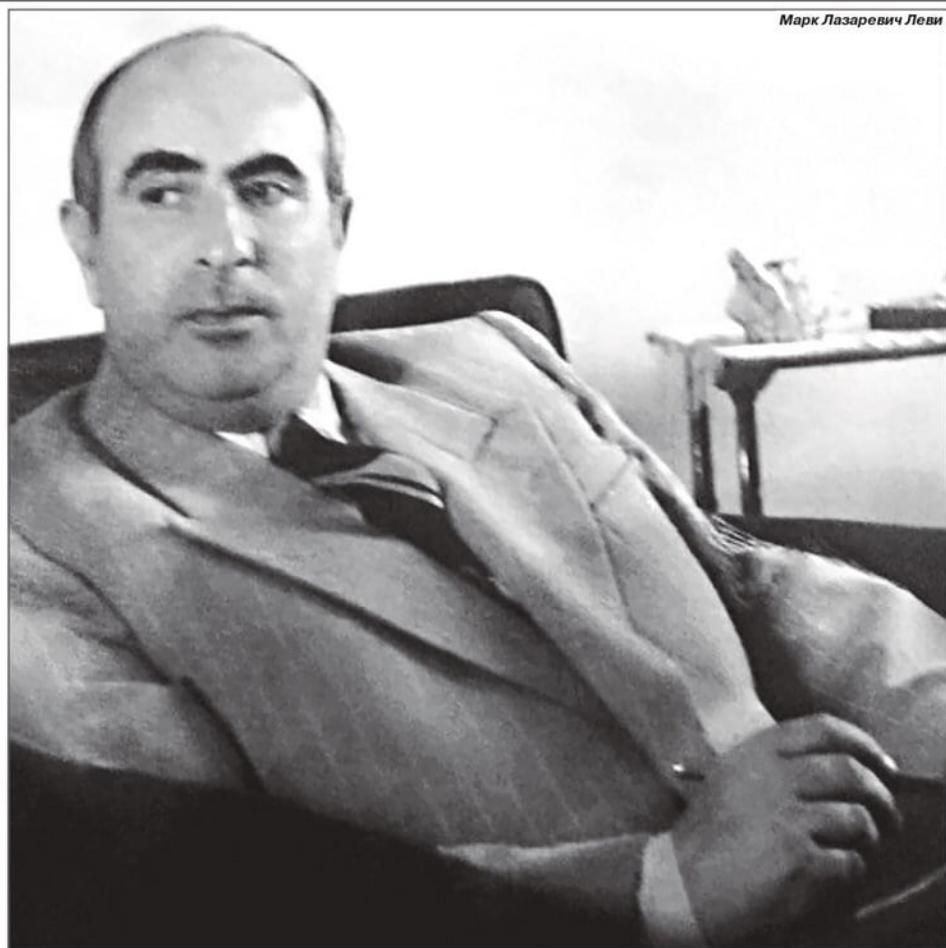
Осень жизни у Дамы Червей, как можно догадаться, не была совсем уж безоблачной и не дождливой. Иначе бы не доживала свой век Лидия Давыдовна в Доме престарелых в Монморанси, где она тихо отошла в лучший из миров в июле 1988 года, заранее приготовив себе epitafiu в стихах:

*Пила, любила, плакала и пела...
Чей этот образ - неужели мой?
Ведь мне хотелось только одного:
полезного, живого дела,
которое, как друг, согрело бы со мной,
любимого...но не было его.
Синеют вены на руке сухой...
А жизнь без остановки пролетела,
как поезд мимо станции глухой.
Жизнь пролетела...*

Жизнь пролетела. Яркая и красавая.

Грустно. Грустно оттого, что несколько лет назад промелькнула информация о признании бесхозным имущества богоугодного заведения, часовни и кладбища при Доме престарелых в Монморанси, что означало возможность сравнять с землей покосившиеся деревянные и бетонные кресты над могилами наших соотечественников.

Только читаемые надгробий и точно установленные фамилии захороненных в этом скорбном кладбищенском списке

было около четырех сотен. Герои Первой мировой, офицеры Белого движения, ка-

заки, ученые, музыканты, писатели и поэты. И все они - достойные люди, остав-шиеся лежать в чужой земле.

Остается их любить и помнить.

Бойцы Еврейской армии

